

Валерий Стрижов

Приключения мага в Академии. Последний бастион

Валерий Стрижов

**Приключения мага в
Академии. Последний бастион**

«Автор»

2026

Стрижов В.

Приключения мага в Академии. Последний бастион /
В. Стрижов — «Автор», 2026

Основное произведение («Приключения мага в Академии»): Главный герой, московский практикующий маг-целитель Матвей Сергеевич Одинцов, попадает в параллельный мир — Академию Пограничных Искусств. Он становится преподавателем рунической магии. В юмористическом ключе описываются его будни: уроки с необычными студентами (русалками, оборотнями), бытовые магические казусы (ожившие монеты, порталы), сложные взаимоотношения с коллегами (включая завкафедрой, впавшего в «советское просветление») и эксцентричными обитателями (домовым Спиридоном, говорящим лифтом, котом-ректором). Вторая часть («Последний бастион» и трилогия) — это отдельная масштабная космическая сага с сильным философским подтекстом. Она разворачивается на Марсе спустя много лет. Здесь люди сталкиваются с древней аномалией по имени Бастион — сущностью, которая поглощает эмоции и память. Герои (диспетчер Химена, археолог Леон Стоукс) должны договориться с этим голодным разумом, чтобы спасти колонию.

© Стрижов В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Валерий Стрижов

Приключения мага в Академии. Последний бастион

Глава

Глава 1. О том, как клиентка сожгла мой диван и что из этого вышло

Вы когда-нибудь видели, как горит диван? Не в смысле — в смысле дешёвая обивка тлеет и воняет, а в смысле — с треском, с ангельским пением и с таким жаром, будто сам Перун решил проверить, насколько хорош советский поролон в качестве жертвенного подношения?

Я видел. И скажу вам честно: диваны в огне — зрелище гипнотическое.

Меня зовут Матвей Сергеевич Одинцов. Если вы подумали, что фамилия у меня от слова «один», то ошиблись. От слова «Один». Как у того самого — с вороном на плече и с рунами в руке. Моя мать в молодости увлекалась скандинавской мифологией, и когда родился я, её супруг (мой отец, человек без фантазии, работавший бухгалтером) предложил назвать меня Иваном. Мать сказала: «Иван — это слишком просто. А у нас ребёнок будет особенным». И назвала Матвеем, что по-древнееврейски — «дар Божий», но Одним — в честь бога, который пожертвовал собой ради рун.

Так я и живу. Тридцать семь лет, из них пятнадцать — практикующий космоэнергет, прорицатель, сниматель порчи, заговоритель зубной боли и человек, который может зарядить вам кошелёк на удачу быстрее, чем вы скажете «карма».

Но в тот вечер я никого не принимал. Вернее, уже не принимал. Часы показывали десять минут одиннадцатого, приём был закончен, пиво в холодильнике остыло до кондиции «божественный нектар», а диван — мой любимый диван, купленный ещё в девяносто седьмом на барахолке, занавешенный выцветшим индийским пледом, — звал в свои объятия.

Я уже потянулся к пульту, чтобы включить телевизор (хотя какой телевизор — зомбо-ящик, наваждение для простых смертных, но иногда и маг хочет посмотреть новости, чтобы убедиться, что мир всё ещё стоит на месте), как в дверь позвонили.

Три коротких звонка. Пауза. Ещё три.

Это был условный знак. Только для старых клиентов.

Я вздохнул так, что, наверное, у соседей сдохла кошка, и пошёл открывать.

На пороге стояла женщина.

Знаете, есть женщины, о которых можно сказать: «ей под сорок, но выглядит хорошо». А есть те, про которых сразу понятно: они куда-то спешат, причём спешат уже лет двадцать, и всё никак не могут прибежать. Она была из вторых. Растрёпанные волосы, мешки под глазами, пальто нараспашку, хотя на дворе — начало марта, и ветер гуляет такой, что даже вороны летают задом наперёд.

— Вы Матвей? — спросила она, тяжело дыша. — Матвей Сергеевич, который всё может?

— Никто не может всё, — ответил я, чуть посторонившись. — Но я могу многое. Заходите.

Она зашла. Остановилась посреди прихожей, озираясь так, будто ожидала, что из-под ванной вылезет Бармаглот.

— Раздевайтесь, проходите в комнату, — сказал я, закрывая дверь. — Чай, кофе?

— Водка есть? — спросила она, и в глазах её блеснуло что-то такое, от чего у меня зачесались ладони — верный признак, что клиентка не простая.

— Есть. Но сначала я должен посмотреть. Садитесь.

Мы прошли в комнату. Она села на диван (ах, если бы я знал, что это за актёрская игра была — села так, будто диван был горячим!), я сел напротив, в своё старое кресло, которое помнило ещё Климента Ворошилова, потому что дед мой, партийный работник, выменял его на ящик коньяка.

— Рассказывайте, — сказал я.

— Муж пьёт, — начала она, но я перебил.

— Нет. Не это. Расскажите про себя. Дату рождения, полную дату. И когда последний раз вы были счастливы.

Она назвала дату. Я прикрыл глаза, привычно входя в рабочее состояние. Седьмая чакра открылась, как промокший зонтик — с трудом, но всё же. Вокруг неё — тьма. Не просто усталость, не депрессия, а именно тьма, чёрная, липкая, с металлическим привкусом на языке.

— С вами работали, — сказал я, открывая глаза. — И не просто работали. Вас использовали как переносчика.

— Что значит переносчика? — она побледнела, и это было заметно даже в тусклом свете торшера.

— Порчу на мужа наводили? На любовницу? На соседку? — спросил я.

Она молчала, теребя край пальто — которое так и не сняла.

— Ладно, — вздохнул я. — Мне не обязательно знать. Я чувствую — на вас что-то есть. Что-то чужое, живое. Вы недавно получили подарок? Вещь, которую кто-то вам подарил?

Она замерла. Потом медленно, как в замедленной съёмке, вытащила из кармана пальто небольшую коробочку.

— Кольцо, — сказала она. — Свекровь подарила. Сказала — на счастье.

— Дайте посмотреть.

Я протянул руку, и в этот момент всё и началось.

Кольцо, когда я взял его в пальцы, было холодным. Не просто холодным — ледяным, как вода в проруби на Крещение. И оно вибрировало. Так вибрирует скорпион перед укусом — тихо, незаметно, но всеми фибрами готовое к атаке.

— Ох, — сказал я и хотел было опустить кольцо на стол, но оно прилипло к руке.

— Что? — спросила женщина, и её глаза стали круглыми, как две монеты.

— А ничего, — ответил я, чувствуя, как по руке ползёт чужая воля, чужая сущность, пытающаяся пробиться в сознание. — Классический подклад. Ваша свекровь — та ещё бабка.

Женщина вскочила. Диван, на котором она сидела, начал дымиться.

Да-да, именно так. Не в переносном смысле. Дымиться.

— Поздно уже, — сказал я, понимая, что сейчас будет весело. — Вы не переносчик. Вы — бомба. И сейчас она взорвётся.

Я рванул к алтарю — так я называл свой рабочий стол, заставленный иконами, кристаллами, солью в хрустальной солонке и амулетами из разных эпох. Схватил нож — тот самый, дедовский, с рукоятью из берёзы, который перерезал пуповину мне самому. И начал читать.

«Господи, злого человека, порчельника, кто на меня зло думает и мыслит, ударь его коленки о камень, убей его...»

Кольцо нагрелось. Женщина закричала. Диван вспыхнул, как спичка.

— Бегите! — заорал я, отрывая кольцо от руки (оно оторвалось вместе с куском кожи — не страшно, заживёт). — Бегите в ванную, воду откройте, стойте под холодной водой!

Она метнулась в коридор, а я остался один с горящим диваном, с вибрирующим кольцом в руке и с осознанием того, что сегодня я определённо не досмотрю новости.

Кольцо вырвалось из пальцев.

Оно взлетело в воздух — нет, не так. Оно взлетело, как маленький НЛО, закрутилось и начало разворачиваться, раскручиваться, превращаясь в спираль, в воронку, в портал.

— Ну вот, — сказал я, глядя, как моя комната затягивается в эту воронку вместе с дымом и искрами от дивана. — Не успел. Опять не успел.

И провалился в темноту.

Последнее, что я услышал — крик женщины из ванной: «А вы не сказали, где у вас полотенца?»

Магия.

Глава 1. О том, как клиентка сожгла мой диван и что из этого вышло (продолжение)

Темнота была не просто темнотой. Она была вязкой, как кисель в столовой, и пахла — вы не поверите — паленым диваном и жасмином. Последнее меня особенно насторожило. Жасмин я не жаловал с тех пор, как одна клиентка решила, что ароматерапия заменит чистку ауры. Не заменила.

Я падал. Или летел? В магии эти два понятия часто совпадают.

В какой-то момент под ногами что-то хрустнуло. Я открыл глаза (оказывается, я их закрыл — рефлекс, знаете ли, при падении в неизвестность) и увидел...

Пол.

Обычный каменный пол. Плитки, потёртые, со следами вековой пыли. И трещины. Много трещин. Некоторые складывались в узоры, очень похожие на рунические.

Я лежал на этом полу, раскинув руки, как распятый, и смотрел в потолок. Потолок был высокий, сводчатый, с росписью. Там были изображены птицы с женскими лицами, колесницы, запряжённые конями, и круг, разделённый на восемь частей. Коловрат. Я его сразу узнал.

— Живой? — спросил голос сверху.

Я повернул голову. Надо мной стоял кот. Нет, не так. Надо мной стоял человек с головой кота. Рыжий, усатый, с зелёными глазами, в профессорской мантии и с огромным железным ключом на поясе.

— Смотря что считать жизнью, — ответил я, осторожно садясь. — Если просто факт наличия сердцебиения — то да. Если возможность встать и потребовать объяснений — то посмотрим.

— Остроумен, — сказал кот-человек. Или человек-кот. — Редкое качество среди попавших. Обычно они бьются, теряют сознание или проклинают всех богов сразу. Ты же просто шутишь.

— У нас в Москве так принято. Юмор — это защитный механизм.

— В Москве? — кот-человек нахмурился. — А, знаю. Там сейчас холодно, суетно и много плохой музыки. Давно не был.

— А вы кто?

— Я — декан факультета Прикладной Мифологии и Управляемой Аномалистики. Моё имя — Бегемот. Но прошу называть меня Бегемот Фёдоровичем. Фёдор — это человеческое имя, знаете ли, для удобства.

— Бегемот? — я подавил желание спросить, не встречал ли он Мастера.

— Да. Родители неудачно пошутили. Или удачно — смотря как посмотреть. Вставай, Одинцов. Ректор ждёт.

— Откуда вы знаете мою фамилию?

Бегемот Фёдорович улыбнулся. У него были острые кошачьи зубы.

— Здесь все всё знают. Это Академия. Место, где знания не прячут — они сами находят тебя. Обычно в самый неподходящий момент.

Он подал мне лапу. Я встал, отряхнулся. Костюм — тот самый, любимый, в котором я принимал клиентов, — был в саже и дырах. Хорошо хоть штаны уцелели.

— Я в другом мире? — спросил я, оглядываясь. Мы находились в длинном коридоре. Стены из тёмного дерева, увешанные гобеленами с древними славянскими символами. Берегини, русалки-вилы, волхвы с посохами. В воздухе пахло ладаном, старой бумагой и чем-то ещё — тем, что я не мог идентифицировать. Возможно, магией.

— В другом, — подтвердил Бегемот Фёдорович. — Но не совсем. Видишь ли, мир наш — это ваш мир, только чуть глубже. Вы, обычные люди, живёте на поверхности, в Яви. А мы — в слое, который ваши предки называли Правью и Навью одновременно. Пограничье. Здесь учатся те, кто способен видеть то, что скрыто.

— И много таких?

— Достаточно. Но ты особенный. Ты не просто видишь — ты знаешь. Твои заговоры, твои практики — это древнее искусство, которое почти утеряно. А ты его применял в быту. Как фокусник, который не понимает, что он волшебник.

— Я понимал, — возразил я. — Просто не придавал значения. Работа есть работа.

— Вот именно. Потому ты здесь. Ректор хочет предложить тебе место.

Мы шли по коридору, и я успел заметить несколько дверей. На одних висели таблички: «Кафедра Тёмной Антропологии», «Лаборатория Солярной Символики», «Музей Редких Проклятий». На других — просто руны, которые я узнавал. Феху. Уруз. Турисаз. Ансуз.

— Это Футарк, — сказал я, останавливаясь у одной из дверей.

— Узнал? — Бегемот Фёдорович посмотрел на меня с интересом. — Редко кто из попавших сразу понимает. Обычно думают, что это просто красивые черточки.

— Черточки, — поправил я. — Моя бабка говорила: «черта — это не просто линия, это граница миров». Она была знахаркой. В деревне.

— Значит, магия у тебя в крови. Это хорошо. Идём.

Глава 2. Академия Пограничных Искусств — добро пожаловать, или Куда не ступала нога человека

Ректорский кабинет оказался именно таким, каким я его себе представлял — если бы меня попросили нарисовать кабинет ректора магической академии. Высокие окна с витражами (на одном была изображена Мировая Уточка, ныряющая в океан), стеллажи с книгами в кожаных переплётах, клетка с соловьём (который, впрочем, не пел, а внимательно смотрел на меня, как будто оценивая). И стол. Огромный стол, за которым никого не было.

— Ректор не любит показываться, — пояснил Бегемот Фёдорович, заметив мой взгляд. — Но он здесь. Он всегда здесь.

— Присаживайся, Матвей Сергеевич, — раздался голос откуда-то сверху. Глухой, раскатыстый, похожий на шум камнепада в горах. — Не бойся. Мы не кусаемся. Ну, почти.

Я сел в кресло. Оно оказалось удобным, с высокой спинкой, на которой была вырезана руна Альгиз — защита.

— Я — Ректор. Имя моё для тебя сейчас не важно. Важно то, что ты здесь не случайно. Твой диван, твоя клиентка, кольцо — всё это было частью плана. Плана, который ты сам и запустил.

— Какого плана? — я чувствовал, что должен возмутиться, но почему-то не мог. Голос ректора действовал успокаивающе, как убаюкивающая колыбельная.

— Плана твоего возвращения домой.

— Я дома, — сказал я. — В Москве.

— Был. А теперь ты в Академии. И, если честно, дома у тебя больше нет. Тот диван, который сгорел — это был не просто диван. Это был твой якорь. Портал, который ты сам себе

построил много лет назад, когда впервые начал практиковать. Ты думал, что клиенты приходят к тебе через дверь. А они приходили через диван. Твой диван был вратами.

Я хотел сказать что-то умное, но язык не поворачивался.

— Не переживай, — добавил ректор. — Мы выдадим тебе новый якорь. Но сначала — работа. Академии нужен преподаватель по кафедре Прикладной Рунической Магии. Предыдущий... исчез. Говорят, его засосало в зеркало. Но мы не будем обсуждать это.

— Я не педагог, — возразил я. — Я практик. Космоэнергет.

— Лучшие педагоги — практики. Ты будешь учить студентов тому, что умеешь сам: заговорам, обрядам, защите от порчи. А заодно — мы поможем тебе вспомнить, что ты забыл.

— Что я забыл?

— Всё, Матвей Сергеевич. Ты забыл, что такое настоящая магия. Не та, что в книжках про фокусы и в интернете. А та, что заставляла камни двигаться, воду течь вспять, а мёртвых — вставать из гробов. Ты — потомок асов. В твоих жилах течёт кровь Одина. И руны сами проснутся на твои пальцы.

Я посмотрел на свои руки. На них действительно проступали знаки — бледные, еле заметные, но я их узнал. Феху на указательном пальце. Ансуз — на ладони.

— Я не хочу быть магом, — сказал я. — Я хочу домой.

— Домой ты вернёшься, — мягко ответил ректор. — Но сначала — помоги нам. А потом мы поможем тебе. Сделка?

Я вздохнул. Вспомнил всех своих клиентов. Тётушку, которая каждую неделю носила мне пирожки в благодарность за снятый сглаз. Мужика с завода, который вылечился от запоя после моего заговора. Девушку, которая наконец-то вышла замуж, потому что я поставил ей защиту от венца безбрачия.

— Сделка, — сказал я.

— Отлично, — голос ректора стал почти радостным. — Бегемот Фёдорович, покажи нашему новому коллеге его комнату. И заодно — библиотеку. Пусть освоится.

Кот-декан кивнул и потянул меня за рукав.

Мы вышли в коридор. Я шёл и думал о том, что теперь, наверное, придётся забыть о пиве перед телевизором. И о диване — тоже.

— Не переживай, — сказал Бегемот Фёдорович, будто прочитав мои мысли. — У нас есть отличный бар. И кресла там удобнее, чем твой старый диван. Пойдём, я угощу тебя настоем из полыни. Говорят, он открывает третий глаз.

— А второй? — спросил я. — Со вторым что?

— Второй закрывают, когда пьют полынь, — серьёзно ответил кот. — Иначе двоится в глазах. И тогда вместо демонов видишь двух демонов. А это уже перебор.

Я засмеялся. Не потому, что было смешно. А потому, что страшно. Так страшно, что оставалось только смеяться.

Мы шли по коридору, и из-за дверей доносились голоса. Кто-то зачитывал заговор на латыни. Кто-то спорил о природе руны Лагуз. А кто-то просто выл — долго, заунывно, как волк на луну.

— Это студенты практикуются, — пояснил Бегемот Фёдорович. — Не бойся. Вой — это просто вокализ. У них сегодня экзамен по звуковой магии.

— А что, звуковая магия — это когда голосом?

— Да. Представь себе оперу, только вместо арий — проклятия. Очень красиво, если привыкнуть.

Мы свернули за угол, и я увидел дверь с табличкой: «Комната № 13. Стажёр-преподаватель. Посторонним вход воспрещается. Особенно студентам».

— Твоя, — сказал декан, протягивая мне ключ. — Обычный, не магический. Замок старый, обиду помнит. Не ломай.

— Я аккуратно, — пообещал я, вставляя ключ в замочную скважину.

Дверь открылась с протяжным скрипом. Комната оказалась небольшой: кровать, стол, стул, шкаф и — о чудо! — кресло. И диван. Маленький, узкий, но диван.

— А это что? — спросил я, показывая на диван.

— Запасной, — пожал плечами Бегемот Фёдорович. — Ректор распорядился. Сказал: «Пусть у него будет второй шанс. И второй диван».

Я сел на диван. Он был жёстким, скрипучим и пахло от него почему-то мятой.

— Всё когда-то начинается с малого, — сказал я сам себе.

— Что? — переспросил декан.

— Ничего. Просто вспомнил одного своего клиента. Он всегда говорил: «Матвей Сергеевич, главное — не диван, а то, как ты на нём сидишь».

— Мудрый человек, — заметил кот.

— Да. Но диван у него всё равно сгорел. Как и у меня.

Мы помолчали.

— Ладно, — сказал я, вставая. — Показывай свою библиотеку. И, может быть, расскажешь, где здесь можно зарядить телефон?

— Что такое телефон? — спросил Бегемот Фёдорович.

Я посмотрел на него. Он — на меня.

— Долгая история, — сказал я. — Идём.

Так начались мои приключения в Академии Пограничных Искусств. Был ли я готов к тому, что меня ждёт? Конечно, нет. Но, как говорится, не мы выбираем дорогу — дорога выбирает нас.

А если дорога выбрала тебя, то самое умное — просто идти. И не оглядываться.

Особенно если за спиной уже слышится топот.

Глава 3. Футарк по-советски, или Как я объяснял руну Феху будущим магам

Первое занятие должно было начаться в девять утра. Я пришёл в аудиторию без пятнадцати, как завещал мне мой дед — партийный работник, который говорил: «Если ты пришёл вовремя — ты уже опоздал. Если пришёл раньше — ты просто дурак. Но дурак с совестью». Я решил, что лучше быть дураком с совестью.

Аудитория номер семь, «Зал Рунических Практик», оказалась похожей на старый университетский лекторий: деревянные ряды, амфитеатр, доска, на которой мелом кто-то вывел «ФУТАРК — НЕ ТРОГАТЬ! СУШИЛКА ДЛЯ НОСОЧКОВ СЛЕВА». Последнее меня насторожило, но я решил не вникать.

За пять минут до начала студенты начали подтягиваться. Они не входили — они вползали, вваливались, выпадали из воздуха и один раз даже вылез из-под кафедры. Это был низенький парень в очках, который бормотал: «Простите, профессор, я искал свой конспект и забрёл в параллельное измерение».

— Не профессор, — поправил я. — Матвей Сергеевич. Можно просто Матвей.

— А можно вы просто дадите мне зачёт? — спросил парень, и по аудитории прокатился смешок.

Я понял: будет весело.

Их было пятнадцать. Двенадцать парней, три девушки — если, конечно, их можно было так назвать. Одна из студенток была с зелёными волосами и такими же зелёными глазами, которые светились в полутьме. Я сразу вспомнил главу из книги по славянской мифологии: «Русалки — это души утонувших девушек, прекрасные и опасные». Девушка заметила мой взгляд и улыбнулась. У неё были острые зубы.

— Итак, — начал я, когда все расселись. — Меня представили как преподавателя Прикладной Рунической Магии. Но я не буду учить вас тому, что написано в учебниках. Учебники, знаете ли, пишут те, кто ничего не умеет. А те, кто умеет, — пишут заговоры на салфетках в ресторанах.

— Это анекдот? — спросил парень с первой парты.

— Это жизненный опыт, — ответил я. — Сегодня мы поговорим о руне Феху. Кто знает, что она означает?

Поднялось несколько рук. Я кивнул парню с заднего ряда.

— Феху — это скот, богатство, движимое имущество, — отчеканил он. — Символизирует материальные ценности и силу духа.

— Молодец, — сказал я. — Пять баллов. А теперь скажи мне: если бы ты захотел привлечь деньги с помощью этой руны, что бы ты сделал?

Парень замешкался.

— Ну... нарисовал бы её на кошельке?

— И всё? — я покачал головой. — Друзья мои, вы учитесь в Академии, а мыслите как первокурсники. Руна — это не значок. Это конфигурация сознания. Это состояние. Вы не рисуете Феху — вы становитесь Феху.

Я подошёл к доске и взял мел. Нарисовал руну. Не просто линии — я вложил в них свою вибрацию. Ту самую, что ощущал, когда работал с клиентами. Когда читал заговоры на привлечение удачи.

— Смотрите, — сказал я. — Я сейчас не рисую — я творю.

Мел засветился. Феху на доске начала пульсировать.

— А теперь — ваша очередь.

Студенты зашевелились. Кто-то достал амулеты, кто-то — ручки с перьями, а одна девушка (та самая, русалка) просто провела пальцем по воздуху, и руна загорелась зелёным светом.

— Неплохо, — оценил я. — Но слишком красиво. Магия — это не эстетика. Это боль, пот и кровь. Иногда — буквально.

Я вспомнил свой первый заговор. Мне было двенадцать, и бабка сказала: «Если хочешь, чтобы слово работало, надо вложить в него себя». Я тогда порезал палец и капнул кровью на бумажку с заклинанием от бородавок. Бородавки прошли. А палец болел неделю.

— Кровь не обязательно, — сказал я студентам, видя их испуганные лица. — Но энергия — обязательно. Вы должны чувствовать руну. Она должна стать частью вас.

Парень с первой парты поднял руку.

— Матвей Сергеевич, а можно практический пример? Ну, чтобы сразу деньги появились?

Я вздохнул. Конечно, можно. И я знал, чем это закончится — но отступать было некуда.

— Хорошо, — сказал я. — Принесите мне... монету. Любую.

Русалка вытащила из кармана серебряный рубль. Старый, с двуглавым орлом. Ещё царский.

— Откуда? — спросил я.

— На дне нашла, — просто ответила она. — У нас там много всякого добра.

Я положил монету на кафедру. Встал так, чтобы свет падал на неё сверху. Закрыв глаза.

— Запомните, — сказал я, не открывая глаз. — Заговор — это не просто слова. Это ритм. Это вера. И это мыслеформа.

Я начал читать. Не громко, не шёпотом — а так, как читал всегда: с расстановкой, с паузами, с чувством, что сейчас произойдёт чудо.

«Как солнце греет землю, так пусть эта монета греет мой карман. Как вода в реке течёт, не иссякая, так пусть деньги текут ко мне, не кончаясь. Слово моё крепко, дело моё споро. Аминь.»

Обычный заговор на привлечение денег. Я читал его сотни раз. Но здесь, в Академии, где магия была не фоном, а сутью, он прозвучал иначе.

Монета задрожала.

— Ой, — сказал парень с заднего ряда.

— Не ой, — ответил я, но было поздно.

Монета взлетела. Она кружилась над кафедрой, набирая скорость, и с каждой секундой становилась всё больше. Сначала — размером с пятак. Потом — с блюдце. Потом — с тарелку.

— Матвей Сергеевич! — закричала русалка. — Остановите!

— Пытаюсь, — сквозь зубы процедил я.

Я читал заговор на отмену, но слова путались. Монета росла. Она уже была размером с колесо от телеги и светилась изнутри золотистым светом.

— Ложитесь! — заорал я. — Всем лечь на пол!

Студенты попадали на парты, на пол, под стулья. Монета раскрутилась до невероятной скорости и... лопнула.

Как мыльный пузырь.

Из неё посыпались деньги. Не фальшивые, не бумажные — настоящие золотые монеты. Старые, червонцы, с царём Николаем, с двуглавыми орлами, с вензелями. Они застучали по полу, по партам, по головам студентов.

— Ай! — крикнул кто-то. — Больно!

— Терпите! — ответил я, пригибаясь под градом червонцев. — Это же золото!

Когда всё закончилось, аудитория напоминала поле после боя. Везде — монеты. На доске — светящаяся руна Феху. А на кафедре — я, с синяком под глазом и счастливой улыбкой.

— Ну что, — спросил я, оглядывая ошарашенных студентов. — Кто-нибудь ещё сомневается, что руны работают?

Тишина. Потом — аплодисменты.

Дверь открылась. На пороге стоял Бегемот Фёдорович.

— Я слышал шум, — сказал он, оглядывая груды монет. — И, кажется, понял причину. Матвей Сергеевич, вы не находите, что это несколько... избыточно?

— Это педагогический приём, — ответил я, отряхивая пиджак. — Наглядная демонстрация.

— Демонстрация чего?

— Того, что магия — это не игрушки. И заговоры — не детские стишки. Каждое слово имеет цену.

Кот-декан посмотрел на меня долгим взглядом.

— В вашей комнате вас ждёт уборщица, — сказал он. — И, кажется, ректор хочет с вами поговорить. Снова.

Я вздохнул. Собрал с пола несколько монет (просто чтобы проверить, настоящие ли они — оказалось, настоящие) и направился к выходу.

— А лекция? — спросил парень с первой парты.

— Продолжим завтра, — бросил я через плечо. — Тема: руна Уруз. Приготовьтесь, будет больно.

Я вышел в коридор и прислонился к стене. Сердце колотилось, как у зайца, который увидел охотника.

— Ну и денёк, — сказал я сам себе.

— Согласен, — ответил голос из пустоты.

Я обернулся. Никого.

— Кто здесь?

— Дух коридора, — ответил голос. — Я тут уже пятьсот лет живу. Видел всякое. Но чтобы преподаватель материализовал золотой дождь на первой лекции — это впервые. Вы, батенька, рискованная личность.

— Спасибо, — сказал я. — Буду знать.

И пошёл искать уборщицу.

Глава 4. О вреде тараканов, или Как я лечил завкафедрой от чёрной немочи

Моим соседом по этажу оказался заведующий кафедрой Тёмной Антропологии. Звали его Аристарх Платонович. Было ему, по виду, лет двести. Или тысяча. Он ходил сгорбленный, опираясь на посох из берёзы (по слухам — из той самой, что росла на Лысой горе), и постоянно нюхал табак из старинной серебряной табакерки.

— Молодой человек, — обратился он ко мне, когда я проходил мимо его двери. — У вас есть свободная минута?

— Зависит от того, что вы хотите, — ответил я осторожно.

— Хочу вылечиться, — сказал Аристарх Платонович. — Вы же лекарь? Я слышал, вы из мира, где людей лечат не магией, а... чем там?

— Таблетками, — подсказал я.

— Вот-вот. Но я не про таблетки. У меня — чёрная немочь. Диагноз — безнадежный. Местные знахари разводят руками. А вы — нетрадиционный. Может, посмотрите?

Я согласился. Не потому, что был альтруистом, а потому, что чувствовал: отказ обидит старика, а обиженный завкафедрой — это враг на всю жизнь.

Кабинет Аристарха Платоновича был похож на склеп. Чучела сов, гербарии с подозрительными растениями, на столе — череп. Человеческий. Обычный, без магии.

— Не обращайтесь внимания, — махнул рукой хозяин. — Это для порядка. Студенты думают, что я некромант.

— А вы не некромант?

— Нет. Я просто коллекционер. Черепа — моя страсть. У меня их сто двадцать три. Всех эпох и народов.

Я сел напротив и попросил его рассказать о симптомах.

— Симптомы, — завкафедрой закашлялся. — А вы сами посмотрите. Я вам доверяю.

Он снял пиджак. Под пиджаком была рубашка, под рубашкой — тельняшка (почему? — я не спрашивал), а под тельняшкой — тело. И на теле — чёрные пятна. Не как у леопарда — как у сгоревшей бумаги. Они пульсировали, меняли форму и, казалось, жили своей жизнью.

— Чёрная немочь, — повторил я, хотя не имел понятия, что это такое.

— Так вы знаете?

— Знаю, — соврал я. — Не в первый раз вижу. У нас в Москве такое часто бывает. Особенно у тех, кто слишком много работает с мёртвой энергией.

Аристарх Платонович побледнел (ещё сильнее).

— Откуда вы знаете, что я работал с мёртвой энергией?

— Профессиональная тайна, — я загадочно улыбнулся. — Принесите мне стакан воды. Обычной, не святой. И соль. Иголку. И, если можно, осиновую щепку.

Он принёс всё, что я просил, и даже добавил кусочек воска — на всякий случай.

Я начал обряд.

Сначала — «Отче наш». Три раза. Потом — заговор, который я знал с детства. Бабка учила меня ему, когда я болел.

«Шла Божья Матушка по каменному мосту. Ей навстречу — Николай Угодник. «Куда идёшь, Матушка?» — «Иду умывать нервы, продувать глаза, горечь выгонять из раба Божьего Аристарха». Спаситель с крестом, над нечистой силой победитель. Уходите, сатаны, с раба Божьего Аристарха, уходите, нечистые духи, на все четыре стороны...»

Я читал, а чёрные пятна на теле завкафедрой шевелились. Они не исчезали — они метались, как тараканы, потревоженные светом.

— Не работает, — прошептал Аристарх Платонович.

— Работает, — ответил я. — Просто не так быстро, как хотелось бы.

Я вспомнил, что в таких случаях помогает частота. Та самая, из космоэнергетики. Но здесь не было приборов — была только вера. И я поверил.

Я представил, как через мои руки идёт золотистый свет. Не огонь — свет. Тёплый, как солнце в августе. И направил его на старика.

Чёрные пятна дёрнулись. Исчезли одно за другим. Сначала на руках, потом на груди, потом — на спине.

— Ой, — сказал Аристарх Платонович. — Ай. Ой-ой-ой.

— Что? — спросил я, открывая глаза.

— Кажется, я стал... другим. Я вижу ангелов.

— Это пройдёт, — заверил я, хотя не был уверен.

Завкафедрой встал, потянулся. Его горб разгладился, морщины — тоже. Он помолодел лет на пятьдесят.

— Матвей Сергеевич, вы гений! — воскликнул он, хватая меня за руку. — Я чувствую себя заново рождённым! У меня больше нет чёрной немочи! Теперь я могу...

Он замолчал.

— Что?

— Я могу думать. О, Боже. Я могу думать о том, что раньше мне запрещали.

— Что именно?

— Например, о том, что Советский Союз — это хорошо, — сказал Аристарх Платонович, и в его глазах зажёгся странный огонёк.

Я понял: я перестарался.

Чёрная немочь ушла, но вместе с ней ушли какие-то внутренние фильтры. Старик стал слишком искренним. Слишком... советским.

— Вы случайно не тронули мою седьмую чакру? — спросил он.

— Случайно, — признался я. — Извините.

— Не извиняйтесь! — он хлопнул меня по плечу. — Теперь я наконец могу сказать то, что думал всю жизнь! Советская власть — самая правильная! Колхозы — это прогресс! И никакой магии, кроме партийной линии!

— Аристарх Платонович, — осторожно сказал я. — Мы находимся в Академии Пограничных Искусств. Здесь магия — это и есть работа.

— Ерунда! — отмахнулся завкафедрой. — Всё, что нужно магу — это комсомольский билет и ударный труд. Остальное — от лукавого.

Он подошёл к окну, распахнул его и закричал на весь двор:

— Да здравствует товарищ Сталин!

— Сталин умер, — тихо сказал я.

— Тем более! — ответил Аристарх Платонович. — Значит, можно не бояться.

Я понял, что создал себе проблемы. Серьёзные. Но отступить было поздно.

— Ладно, — сказал я. — Мне пора. У меня ещё лекция.

— Идите, идите, — кивнул завкафедрой. — А я пойду напишу заявление в партию. Какую партию, кстати, сейчас поддерживают?

— Никакую, — ответил я. — У нас демократия.

— Демократия? — он удивлённо поднял брови. — А это разрешено?

— Не всегда.

Я вышел в коридор, закрыл за собой дверь и услышал, как Аристарх Платонович начал напевать «Катюшу».

— Вот чёрт, — сказал я. — Лечил немочь — получил советского активиста.

— Бывает, — ответил дух коридора. — В прошлом веке один преподаватель вылечил другого от зомбизма, а тот начал проповедовать буддизм. Пришлось его уволить.

— А этот? — спросил я, кивая на дверь завкафедрой.

— Этот, — дух задумался, — этот перевоспитается. Или нет. В любом случае, теперь это ваша проблема, Матвей Сергеевич.

— Спасибо, утешили, — буркнул я и пошёл готовиться к следующей лекции.

Руна Уруз. Сила. Жизненная энергия.

Я решил, что на этот раз ничего материализовывать не буду. И без демонстраций.

Всё равно не помогло.

Так я начал свою карьеру в Академии. Что меня ждало впереди? Семинар по заговорам от бессонницы, на котором сам заснул? Экзамен по солярной символике, где студенты перепутали свастику с коловратом и устроили портал в Тёмный мир? Или, может быть, роман с русалкой, которая таяла от моих заговоров на любовь?

Всё это было. И ещё многое другое.

Но об этом — в следующих главах.

Глава 5. Свастика, крест и коловрат — экзамен по солярной символике

Экзамен назначили на пятницу, тринадцатое. Я сначала подумал, что это шутка, но Бегемот Фёдорович объяснил: «У нас все экзамены в пятницу, тринадцатое. Это традиция. Студенты должны привыкать к стрессу с первого курса».

— А если тринадцатое выпадает на воскресенье?

— Тогда экзамен переносится на понедельник, четырнадцатое. Стресс должен быть плановым.

Аудитория была та же, что и на первой лекции, только теперь стулья стояли ровными рядами, а на кафедре лежали экзаменационные билеты. Я их написал сам. И, честно говоря, гордился своей работой.

Вопросы были такие:

Чем отличается славянский коловрат от германской свастики? Ответ обоснуйте с точки зрения магического применения, а не политической конъюнктуры.

Что символизирует крест с равными лучами? Приведите примеры использования в бытовой магии.

Какие три основных положения солнца изображались на фасаде славянской избы? Зачем?

Практическое задание: нарисовать на доске коловрат и объяснить его значение.

Студенты зашли шумной толпой. Я заметил, что русалка (её звали Ведогоня — я узнал это из списка) сияла особенно ярко. В прямом смысле — от неё исходило зелёное свечение.

— Ведогоня, у вас всё в порядке? — спросил я.

— О да, Матвей Сергеевич, — ответила она. — Просто я сегодня набралась сил. Вода в пруду была удивительно тёплой.

— Мы в Академии, здесь нет пруда.

— Есть. Под третьим этажом. Только вы туда не ходите — там живёт водяной. Он не любит, когда его беспокоят без солёных огурцов.

Я решил не уточнять.

— Итак, начнём, — сказал я, беря первый билет. — Кто первый?

Вызвался парень с заднего ряда — тот самый, который искал конспект в параллельном измерении. Звали его Кузьма.

— Матвей Сергеевич, — начал он, подходя к доске. — Я подготовил доклад. Можно я буду отвечать не по билету, а по своей теме?

— Валяй, — разрешил я, хотя уже знал, чем это кончится.

Кузьма взял мел и начал рисовать. Сначала он изобразил круг, потом — четыре луча, потом — ещё четыре. Получилась свастика. Но не та, о которой вы подумали. А древняя, солярная, с загнутыми концами.

— Это коловрат, — сказал Кузьма. — Символ солнца, жизни и победы света над тьмой. Его использовали наши предки за много тысяч лет до того, как кто-то придумал фашизм.

— Молодец, — кивнул я. — А теперь объясни разницу между коловратом и свастикой.

— Разница в направлении вращения и в количестве лучей, — уверенно ответил Кузьма. — Коловрат вращается по часовой стрелке, свастика — против. И у коловрата лучи загнуты мягче, у свастики — острее.

— А в магическом смысле?

— В магическом, — Кузьма задумался, — коловрат привлекает энергию, а свастика — рассеивает. Поэтому в бытовой магии используют коловрат, а в ритуалах изгнания — свастику.

Я был впечатлён. Парень явно готовился.

— Отлично, — сказал я. — Пять. Следующий.

Следующей была Ведогоня. Она подошла к доске, взяла мел и нарисовала... крест. Обычный, православный, с перекладиной.

— А это что? — спросил я.

— Крест, — ответила русалка. — Символ жертвы, защиты и соединения двух миров — земного и небесного. В бытовой магии его используют для очищения пространства и для защиты от нечистой силы.

— Приведите пример.

— Например, если перекрестить ножом входную дверь, то в дом не войдёт ни один злой дух. А если нарисовать крест на подоконнике, то через окно не пролезет упырь.

— А упыри часто лезут в окна?

— В Академии — редко, — призналась Ведогоня. — Но бывает. Особенно в полнолуние.

Третий студент, долговязый парень по имени Святозар, взялся за практическое задание. Он подошёл к доске и уверенной рукой нарисовал не просто коловрат — он нарисовал целую композицию: коловрат в центре, вокруг него — лучи, а по краям — волны и точки.

— Это фасад славянской избы, — пояснил он. — Вверху — хляби небесные, волнистые линии. Под ними — солнце в трёх положениях: утро, полдень и вечер. А внизу — символы земли, засеянного поля.

— Зачем всё это?

— Для защиты, — ответил Святозар. — Дом — это микрокосм. Чтобы защитить его от зла, нужно воспроизвести на фасаде картину мира. Тогда никакая нечисть не войдёт.

Я посмотрел на его рисунок. Он был точен, гармоничен, и от него веяло теплом.

— Пять, — сказал я.

Святозар улыбнулся и отошёл от доски. И в этот момент мел, которым он рисовал, упал на пол. И покатился.

Покатился к центру аудитории.

И остановился.

— Что это? — спросил кто-то.

— Не знаю, — ответил я, хотя уже догадывался.

Мел лежал на полу, и вокруг него начала закручиваться воронка. Маленькая, размером с блюдце. Но она росла. И пахло от неё серой и палёной бумагой.

— Студенты, — сказал я как можно спокойнее. — Отойдите от воронки. Это, вероятно, портал.

— В Тёмный мир? — испуганно спросила Ведогоня.

— Надеюсь, что нет, — ответил я. — Скорее всего, это просто... эхо вашего рисунка.

— Какого рисунка?

— Святозар нарисовал не просто избу. Он нарисовал её с такой силой, что создал мыслеформу. А мыслеформа, если вы забыли, имеет свойство материализоваться.

Воронка росла. Она уже была размером с колесо от телеги. Из неё потянуло холодом.

— Что делать? — крикнул Кузьма.

— Не паниковать, — сказал я. — И читать «Отче наш».

Студенты забормотали молитву. Кто-то крестился, кто-то рисовал в воздухе знаки. Ведогоня запела — тонко, пронзительно, как сирена.

Воронка замедлилась. Но не остановилась.

— Не хватает, — понял я. — Нужно что-то более сильное.

Я вспомнил заговор, который когда-то читал над диваном, когда тот начинал дымиться. Заговор от нечистой силы.

«Сгинь, нечистый дух, из нашего дома, из всех углов, закоулков, от потолков... У нас есть Господень Крест, с нами евангелисты: Иван, Лука, Матвей, святые ангелы Небесные...»

Я читал, а воронка сжималась. Читал — сжималась. Читал — и вот уже от неё остался только маленький чёрный кружок, который, пискнув, исчез.

— Всё, — сказал я, вытирая пот со лба. — Портал закрыт.

Студенты выдохнули. Ведогоня перестала петь.

— Матвей Сергеевич, — спросил Святозар. — А куда он вёл?

— Не знаю, — честно ответил я. — И знать не хочу. Но на будущее: не рисуйте на доске то, что может ожить. Магия — это не игрушки.

— А вы сами на первой лекции материализовали золотой дождь, — возразил Кузьма.

— Я — преподаватель, — парировал я. — Мне можно.

В дверь постучали. Вошёл Бегемот Фёдорович.

— Я снова слышал шум, — сказал он, оглядывая аудиторию. — Что на этот раз?

— Открылся портал, — доложил я. — Но мы его закрыли.

— Чьими силами?

— Совместными. И молитвой.

Кот-декан посмотрел на меня долгим взглядом.

— Матвей Сергеевич, вы — магнит для проблем, — сказал он. — Ректор просил передать, что у вас сегодня вечером индивидуальное занятие по технике безопасности.

— Какое?

— «Как не уничтожить Академию за одну неделю». Курс лекций. Обязательный.

Я вздохнул. Студенты захихикали.

— Хорошо, — сказал я. — Приду.

— И ещё, — добавил Бегемот Фёдорович. — Завкафедрой Аристарх Платонович сейчас на митинге во дворе. Он требует переименовать Академию в «Институт Ударной Коммунистической Магии». Вы не могли бы с ним поговорить?

— Он же ваш сотрудник, — возразил я.

— Он — ваше лечение, — отрезал кот. — Сами лечили, сами и разбирайтесь.

— Это нечестно.

— Магия, — философски заметил Бегемот Фёдорович, — вообще редко бывает честной.

Он ушёл, оставив меня одного со студентами и с осознанием того, что моя жизнь в Академии только начинается.

И что хуже всего — мне это начинало нравиться.

После экзамена я вышел во двор. Аристарх Платонович действительно стоял на импровизированной трибуне — на перевёрнутом ящике из-под яблок — и размахивал красным платком.

— Товарищи! — кричал он. — Долой элитарную магию! Даёшь народные заговоры в массы! Каждый студент должен уметь почистить карму ударом лопаты!

Вокруг него собралась небольшая толпа. В основном — дворники и пара уборщиц. Они слушали с интересом.

— И что с ним делать? — спросил я у духа коридора, который, как всегда, был рядом.

— Ждать, — ответил дух. — Эффект от вашего лечения должен пройти через пару дней. Или недель. Или лет.

— А если не пройдёт?

— Тогда, — дух вздохнул, — тогда у вас появится напарник. И, судя по его красноречию, он скоро станет ректором.

— Этого ещё не хватало.

— В Академии, Матвей Сергеевич, всегда не хватает именно того, что уже есть. Это такой закон. Привыкайте.

Я привыкал.

Понемногу.

Скрипя зубами.

Глава 6. Домовой в моей комнате, или История о том, как я подружился с духом-хранителем

Вернувшись в свою комнату после экзамена и после безуспешных попыток уговорить Аристарха Платоновича слезть с ящика, я обнаружил, что в моём отсутствие здесь кто-то побывал.

Во-первых, диван был переставлен. Не просто сдвинут — он стоял ровно посередине комнаты, хотя я оставлял его у стены.

Во-вторых, на столе появилась кружка. Моя любимая, с надписью «Лучший космоэнергет года 2018». Я её потерял ещё в Москве.

В-третьих, в воздухе пахло свежим хлебом и... полынью.

— Есть кто? — спросил я, оглядываясь.

Тишина.

— Я чувствую тебя, — сказал я. — Выходи.

Из-под кровати вылез... старик. Маленький, лохматый, в рваной рубаше и лаптях. Он чихнул, и пыль взметнулась столбом.

— Здорово, хозяин, — сказал старик. — Давненько у меня не было жильцов. А ты — ничего. Чувствительный.

— Ты — домовый? — догадался я.

— Он самый, — старик распрямился (насколько позволял рост) и поклонился. — Звать меня Спиридон. Потому что я спиридон — дух дома, хранитель очага и прочей мелочи. А ты, как я погляжу, маг?

— Бывший, — уточнил я. — Сейчас — преподаватель.

— А-а-а, — протянул Спиридон. — Значит, будешь жить. И учить. И мучиться. Я таких много видел.

— И что с ними случалось?

— Кто уходил, кто оставался, кто с ума сходил, — философски ответил домовый. — Но ты не бойся. Я тебя не трону. Только вещи иногда прячу. Для порядка.

— Мои вещи?

— Все подряд. Это моя работа. Если бы я не прятал, то какой бы я был хранитель? Так, дворник какой-то.

Я вздохнул. С домовыми я сталкивался и раньше. В детстве у бабки в деревне они жили за печкой и воровали носки. Но этот говорил. И, кажется, был настроен дружелюбно.

— Слушай, Спиридон, — сказал я. — Мне нужна помощь. Я тут чужой, ничего не знаю. Ты здесь давно?

— Давно, — кивнул домовый. — Ещё при царе Горохе. Когда Академия только строилась, меня в фундамент заложили. Вместе с монеткой и кусочком хлеба.

— И что, не жалко?

— Жалко, — вздохнул Спиридон. — Но что поделать? Работа такая. Сиди тут, прячь вещи, слушай лекции. Я, между прочим, образованнее многих ваших студентов.

— И что ты знаешь?

— Всё, — просто ответил домовый. — Абсолютно всё. Хочешь — секрет подземелий расскажу? Хочешь — научу, как задобрить ректора? Хочешь — покажу, где библиотека хранит запрещённые книги?

— И много там запрещённых книг?

— Три комнаты, — шепнул Спиридон. — Полные. Только ключ у завхоза, а завхоз — упырь. Он просто так не даёт.

— А что он любит?

— Свежую кровь, — домой посмотрел на меня многозначительно. — Но я думаю, ты не захочешь...

— Не захочу, — согласился я. — Ладно, с книгами потом. Расскажи про подземелья.

Спиридон уселся на диван (тот самый, запасной) и начал рассказывать.

Оказывается, под Академией был целый город. Ходы, залы, колодцы. В одном месте — древнее капище, где когда-то приносили жертвы Перуну. В другом — подземная река, которая течёт из Нави в Явь. А в третьем — секретная лаборатория, где предыдущий ректор проводил опыты по скрещиванию магии и науки.

— И что там скрестили? — спросил я.

— Утку и калькулятор, — сказал Спиридон. — Получилась тварь, которая считает до бесконечности и крикает. До сих пор где-то там бродит.

— Вы её не поймали?

— Пытались. Но она слишком быстрая. И умная. Один раз чуть не взломала защиту Академии. Пришлось отключить интернет.

— У вас есть интернет?

— Был. Пока утка не добралась до серверной.

Я задумался. Если в подземельях есть такая тварь, то, возможно, там можно найти и портал обратно в Москву.

— Спиридон, — спросил я. — А ты знаешь, как отсюда выбраться? В мой мир?

— Знаю, — кивнул домовый. — Но не скажу.

— Почему?

— Потому что если ты уйдёшь, то кто будет со мной разговаривать? Остальные преподаватели меня не видят. А ты — видишь. Значит, ты мой.

— Я ничей, — возразил я. — Я сам по себе.

— В Академии, — улыбнулся Спиридон, — никто не сам по себе. Здесь все — часть системы. Даже ректор, хоть он и не показывается.

— А что с ректором? Почему он прячется?

— Потому что он... — домовый оглянулся, понизил голос до шёпота, — ...он — кот. Настоящий. Который съел ректора и занял его место.

— Бегемот Фёдорович?

— Нет, тот — просто кот. А этот — настоящий. Чёрный, большой, с зелёными глазами. И он очень любит рыбу.

Я представил себе кота-ректора, который управляет Академией, и почему-то не удивился.

— В этой Академии, — сказал я, — всё возможно.

— Вот именно, — согласился Спиридон. — Поэтому не спеши уходить. Здесь интересно. И опасно. Но интересно.

— А что мне делать с завкафедрой? Он до сих пор на ящике стоит.

— Подожди до завтра. К утру он устанет и сам уйдёт. А если нет — позови уборщицу. Она его быстренько утихомирит.

— Уборщица?

— Варвара Ильинична. Она, между прочим, в прошлом — ведьма. Но ушла в уборщицы, потому что надоело ворожить. Говорит, что от заговоров голова болит, а от швабры — приятная усталость.

Я решил, что с уборщицей познакомлюсь завтра.

— Ладно, Спиридон, — сказал я. — Спасибо за информацию. А теперь — извини, мне нужно отдохнуть.

— Отдыхай, хозяин, — кивнул домовый. — А я пойду. Носки твои попрячу. Для порядка. Не обижайся.

Он нырнул под кровать и исчез. Я остался один.

Спать не хотелось. Я подошёл к окну. Во дворе уже стемнело, но Аристарх Платонович всё ещё стоял на ящике и что-то выкрикивал. Его голос был хриплым, но бодрым.

— Даёшь... магию... народу! — долетало до меня.

Я усмехнулся. Ну и денёк.

Первый день в Академии подходил к концу. Я пережил портал, экзамен, домового и советского активиста. Что ждало меня завтра? Не знаю. Но знал одно: скучно не будет.

— Спиридон, — позвал я, — а где здесь можно зарядить телефон?

Из-под кровати донёсся вздох.

— Нет здесь телефонов, хозяин. Здесь — магия. А магия, она, знаешь ли, без розеток.

— А как же интернет?

— У нас — свой интернет. Мы его называем «ясновидение». Хочешь, научу?

— Как-нибудь в другой раз, — ответил я, забираясь на диван.

— Ну смотри, — обиженно сказал домовый. — А мог бы стать экстрасенсом.

— Я уже экстрасенс.

— Тогда — экстрасенсом с дипломом.

— Это лишнее, — ответил я, закрывая глаза.

Засыпая, я услышал, как Спиридон напевает что-то старинное, тягучее, похожее на заговор от бессонницы.

А через минуту — провалился в сон.

И снилась мне Москва. Диван. Клиентка с кольцом. И пожар.

— Ну здравствуй, новая жизнь, — сказал я во сне.

И она ответила.

Но это — уже совсем другая история.

Глава 7. Тайна подземелий, или Куда ведёт Калинов мост

Спиридон разбудил меня в три часа ночи. Он тряс меня за плечо и шептал:

— Хозяин, вставай. Пора.

— Куда? — спросил я, даже не открывая глаз.

— В подземелья. Ты же хотел узнать тайну. Я покажу.

Я открыл один глаз. Домовой стоял на прикроватной тумбочке, держа в руках маленький фонарик. Настоящий, электрический. Откуда он его взял — я решил не спрашивать.

— Слушай, Спиридон, сейчас три часа ночи. В подземелья ходят или археологи, или самоубийцы. Я — ни то, ни другое.

— А кто ты?

— Я — преподаватель. У меня завтра лекция. Тема — руна Лагуз. Вода, поток, интуиция. Я должен подготовиться.

— И что, лучше подготовки, чем спуск в подземелье? — усмехнулся домовый. — Там есть подземная река. Живая вода. Сама Лагуз. Ты её увидишь — и всё поймёшь.

Я сел на диване. Спиридон смотрел на меня в упор. В его глазах светилась такая искренняя надежда, что отказать было невозможно.

— Ладно, — сказал я. — Но если мы встретим ту утку с калькулятором — я убегаю первым.

— Договорились.

Оделся я быстро. Захватил с собой фонарик (обычный, не магический), нож (дедовский, тот самый) и горсть соли — на всякий случай. В учебниках по магии писали, что соль отпугивает нечисть. Я проверял на практике — работало.

Спиридон провёл меня к книжному шкафу в конце коридора.

— Тут проход, — сказал он, нажимая на корешок одной из книг.

Шкаф бесшумно отъехал в сторону. За ним оказалась каменная лестница, уходящая вниз.

— Долго идти? — спросил я.

— Часа два, если не заблудимся. А если заблудимся — то навсегда.

— Путишь?

— Сейчас — нет, — серьёзно ответил домовый.

Мы начали спуск.

Лестница была старой, ступени стёрлись от времени. Кое-где на стенах были нарисованы руны. Я узнал Эйваз — защиту, Альгиз — тоже защиту, и несколько знаков, которых я не видел никогда.

— Это древние письмена, — пояснил Спиридон. — Ещё до Футарка. Их никто не умеет читать. Даже ректор.

— А ты?

— Я знаю только одно слово. «Осторожно». Видишь, вон там, на третьей ступени? — он показал на едва заметную царапину. — Это значит, что если наступить на эту ступень, то упадёшь в колодец.

— И где колодец?

— Под тобой, — ответил домовый.

Я замер. Посмотрел вниз. Под ногами была обычная каменная плита. Но когда я прислушался — услышал плеск воды.

— Далеко?

— Метров пятнадцать. Вода там холодная, но не смертельная. Просто неприятно.

— Спасибо, что предупредил, — сказал я, осторожно перешагивая через третью ступень.

— Я же хранитель. Это моя работа.

Мы спустились вниз. Лестница закончилась, и начался длинный коридор. Стены здесь были не каменные — земляные, с торчащими корнями. Кое-где корни светились.

— Это корни Мирового Древа, — сказал Спиридон, заметив мой взгляд. — Оно пронизывает все миры. И Академию — тоже.

— Значит, мы под ним?

— В его корнях. Это мир Нави. Тёмный, древний, но не злой. Здесь обитают духи, которые не любят живых. Поэтому не шуми.

Мы шли молча. Я старался ступать тихо, но мои шаги всё равно отдавались эхом.

Коридор расширился. Мы вышли в большую пещеру. В центре её текла река. Чёрная, как смола, но на поверхности — огоньки. Маленькие, золотистые, они плыли по течению, освещая стены.

— Смородина, — сказал Спиридон.

— Что?

— Река Смородина. Она же — Огненная река. Разделяет мир живых и мир мёртвых. Только у нас здесь она маленькая, ручей. Настоящая — там, внизу.

— А что за огоньки?

— Души. Тех, кто не может уйти. Или не хочет.

Мы подошли к реке. Вода была тёплой. Я опустил руку — ничего страшного не случилось. Просто вода. Только очень чистая. И пахла она... свежестью. Как после грозы.

— Лагуз, — сказал я. — Руна воды.

— Да, — кивнул Спиридон. — Здесь её сила. Чувствуешь?

Я чувствовал. Вода словно говорила со мной. Не словами — образами. Я увидел своё детство, бабу, которая учила меня заговорам. Увидел первую клиентку, которая плакала и благодарила. Увидел диван, который сгорел.

— Это память, — сказал я.

— Это не только память, — ответил домовый. — Это предсказание. Смотри дальше.

Я смотрел. Вода показывала мне Академию. Студентов. Бегемота Фёдоровича. Аристарха Платоновича, который теперь ходил с плакатом «За советскую магию!». И ректора. Не кота — человека. Старого, мудрого, с длинной бородой.

— Ректор — человек? — спросил я, отрывая взгляд от воды.

— Был, — уклончиво ответил Спиридон. — А теперь — кто его знает. Вода не врет. Но она показывает только то, что хочешь увидеть ты.

— Я хочу увидеть правду.

— Тогда смотри дальше.

Я снова посмотрел в воду. И увидел себя. Не в Академии — в Москве. За своим рабочим столом. Напротив — клиентка. Та самая, с кольцом.

— Я вернусь? — спросил я.

— Это зависит от тебя, — сказал Спиридон. — Вода не показывает будущее. Она показывает возможное.

Мы постояли ещё немного. Потом домовый потянул меня за рукав.

— Идём. Я покажу тебе кое-что ещё.

Мы пошли дальше. Вдоль реки. Корни Древа свисали с потолка, некоторые касались воды. В одном месте корни образовали что-то вроде моста.

— Калинов мост, — сказал Спиридон. — Переход между мирами. Если перейдёшь по нему — окажешься в Прави. В мире богов.

— А если упаду?

— Утонешь в Смородине. Души тех, кто упал, становятся огоньками. И плывут вечно.

Я посмотрел на мост. Он казался хрупким, но когда я наступил на первый корень — он выдержал.

— Не ходи, — предупредил домовой. — Ты не готов.

— Знаю, — ответил я, сходя с моста. — Просто интересно было.

— Интересно — это первая причина, по которой гибнут маги, — вздохнул Спиридон. — Вторая — жадность. Третья — любовь.

— А четвёртая?

— Глупость, — он посмотрел на меня. — Её я в тебе пока не заметил. Но ты только начал.

Мы пошли обратно. Дорога показалась короче. Когда мы поднялись в комнату, часы показывали начало шестого.

— Спасибо, Спиридон, — сказал я. — Это было... познавательно.

— Не за что, хозяин. Только никому не рассказывай о подземелье. А то набегут студенты, намусорят, наколдуют. Потом убирай за ними.

— Я нем как рыба.

— Рыбы, между прочим, очень болтливые, — возразил домовой. — Особенно золотые. Ты лучше будь как камень. Камни молчат. Им это легче.

Я лёг на диван, но уснуть уже не мог. Перед глазами стояла река Смородина. И огоньки. И мост. Калинов мост, который вёл в мир богов.

Интересно, что там, в Прави? Сидят ли боги за столом, пьют ли мёд, играют ли в шахматы? Или скучают, как все божества, которым поклоняться перестали?

— Спи, хозяин, — донёсся голос Спиридона из-под кровати. — У тебя завтра лекция. И не вздумай проспять. А то Бегемот Фёдорович придёт будить. А он, когда будит, имеет привычку царапаться.

— Спасибо, утешил.

Я закрыл глаза. И, на удивление, уснул почти сразу.

И снилась мне Москва. И диван. И клиентка с кольцом. Но теперь — другая. Которая говорила: «Матвей Сергеевич, возвращайтесь. Мы без вас с ума сходим».

А я во сне отвечал: «Скоро. Ещё немного. Я только выучусь сам, потом научу других, потом — вернусь».

И верил в это.

Утром меня разбудил громкий стук в дверь. Я открыл — на пороге стоял Бегемот Фёдорович с огромной стопкой бумаг.

— Матвей Сергеевич, — сказал он. — Ваше расписание на месяц. И список литературы для подготовки к экзаменам. И заявление от Аристарха Платоновича. Он просит перевести его на должность политрука.

— Политрука?

— Да. Говорит, что магия без политики — это просто фокусы. А с политикой — идеологическое оружие.

— И что вы ответили?

— Сказал, что подумаю. Но если честно, я бы его уволил. Но ректор запрещает. Говорит, что старики должны доживать свой век в почёте. Даже если они несут чушь.

Я вздохнул. Взял бумаги. И пошёл на лекцию.

Руна Лагуз. Вода, поток, интуиция.

Я знал, о чём буду говорить. И знал, что студенты поймут.

Потому что магия — это не тайна. Это — откровение.

И оно приходит только к тем, кто готов его принять.

Глава 8. Откровение, или Как руна Лагуз научила меня плавать

Лекция по руне Лагуз началась с того, что я опоздал на пятнадцать минут. Не потому, что проспал — а потому, что застрял в лифте. В Академии был лифт. Старый, дореволюционный, с зеркалами в полный рост и кожаной обивкой. Он любил останавливаться между этажами и задавать философские вопросы.

— Куда едем? — спросил он, когда я зашёл.

— На второй этаж, — ответил я.

— А зачем?

— Лекция. Студенты ждут.

— Студенты всегда ждут, — философски заметил лифт. — Вопрос в том, дождутся ли они того, что действительно нужно. Или просто получают очередную порцию магической жвачки.

— Ты вообще кто? — спросил я, нажимая кнопку «2» в пятый раз.

— Я — лифт. Но с душой. Меня установил ещё первый ректор. Он был чудачком. Любил поговорить. Вот и я перенял эту привычку.

— И долго мы будем стоять?

— Пока ты не ответишь на мой вопрос. Зачем тебе лекция?

— Чтобы передать знания.

— А зачем передавать знания?

— Чтобы студенты стали мудрее.

— А зачем им мудрость?

Я задумался. Лифт, кажется, готов был задавать вопросы вечно.

— Ладно, — сказал я. — Мудрость нужна, чтобы не наступать на одни и те же грабли. Свои и чужие.

— Хороший ответ, — лифт дёрнулся и поехал. — Езжай. Только помни: грабли бывают разные. Иногда они — часть кармы.

Двери открылись. Я вышел в коридор и почти бегом направился к аудитории.

Студенты сидели на местах. Ведогоня светилась чуть слабее, чем вчера — видимо, пруд под третьим этажом сегодня был холоднее. Кузьма листал конспект, а Святозар рисовал на полях тетради маленьких уточек.

— Извините за опоздание, — сказал я, подходя к кафедре. — Лифт философствовал.

— Лифт всегда философствует, — вздохнул Кузьма. — В прошлом семестре он продержал нашего декана два часа. Тот вышел оттуда буддистом.

— И что, просветлел?

— Нет, просто обрился наголо.

Я усмехнулся и начал лекцию.

— Руна Лагуз. Двенадцатая в Футарке. Символизирует воду, поток, интуицию. Кто что знает?

Ведогоня подняла руку.

— Лагуз — это не просто вода, — сказала она. — Это течение жизни. То, что смывает старое и приносит новое. Моя бабушка-русалка говорила: «Если не умеешь плыть по течению — утонишь. А если умеешь — доплывёшь до самого моря».

— Мудрая бабушка, — заметил я. — Ещё?

— Лагуз помогает понять скрытое, — добавил Святозар. — Она открывает глаза на то, что раньше было невидимо. Поэтому её используют в гаданиях и в заговорах на ясновидение.

— Верно. А в бытовой магии?

— Для очищения, — ответил Кузьма. — Вода смывает порчу, сглаз, негатив. Ещё Лагуз используют в любовной магии — чтобы привлечь суженого или разжечь страсть.

— Молодцы, — я обвёл аудиторию взглядом. — Теорию вы знаете. А теперь — практика.

Достал из кармана маленький пузырёк с водой. Не простой — из реки Смородины. Набрал прошлой ночью, когда Спиридон отвернулся.

— Это вода из подземелья, — сказал я. — Из реки, которая течёт между мирами. Кто готов попробовать?

Аудитория зашепталась. Ведогоня встала первой.

— Я — водная, мне можно, — сказала она, подходя к кафедре.

Я протянул ей пузырёк. Она отпила глоток. И замерла.

Глаза её стали белыми. Искры побежали по телу. Зелёное свечение сменилось голубым, потом — золотым.

— Что ты видишь? — спросил я.

— Воду, — прошептала она. — Много воды. Океан. И в нём — дом. Дом под водой, с окнами из раковин и крышей из водорослей. Там моя семья. Они зовут меня.

— Вернись, — сказал я, забирая пузырёк. — Не уходи глубоко.

Ведогоня моргнула. Глаза снова стали зелёными.

— Матвей Сергеевич, — сказала она, — это была не просто вода. Это была память. И будущее.

— Я знаю, — ответил я. — Лагуз открывает порталы. Внутри нас.

Я хотел продолжить, но дверь распахнулась. На пороге стоял Аристарх Платонович — но не один. С ним была целая делегация: дворники, уборщицы, пара поваров из столовой. Все в красных галстуках.

— Товарищи студенты! — провозгласил завкафедрой. — Я пришёл к вам с важной миссией. В Академии назревает контрреволюционный заговор! Преподаватели — Матвей Сергеевич в том числе — скрывают от вас истинную магию! Магию труда!

— Аристарх Платонович, — сказал я как можно спокойнее. — У нас лекция.

— Лекция? — он хмыкнул. — Лекции — это буржуазный пережиток! Настоящее знание добывается в ударном труде! Я предлагаю отменить все занятия и объявить субботник по очистке подземелий!

Студенты засмеялись. Ведогоня фыркнула. Святозар закрыл лицо тетрадкой.

— Товарищ завкафедрой, — сказал я. — Вы больны. У вас магическое расстройство. Идите к лекарю.

— Я здоров! — закричал Аристарх Платонович. — Я здоровее всех вас! Просто я прозрел! И теперь моя миссия — просветить других!

Он взмахнул рукой, и в воздухе появился плакат. Огромный, красный, с надписью: «МАГИЯ — ЭТО РАБОЧИЙ КЛАСС!».

— Уберите это, — сказал я, чувствуя, как начинает трещать голова. — Иначе я применю заговор от навязчивых идей.

— Не имеете права! — завкафедрой попятился, но не ушёл. — Я — член профсоюза! У нас коллективный договор!

— Какой договор? — опешил я. — Мы в магической Академии, а не на заводе.

— Ах, вот вы как заговорили! — Аристарх Платонович набрал воздуха в грудь, но договорить не успел.

Дверь снова открылась. Вошёл Бегемот Фёдорович, а за ним — огромный чёрный кот. Тот самый, о котором говорил Спиридон. Кот посмотрел на завкафедрой жёлтыми глазами, и тот мгновенно замолчал.

— Аристарх Платонович, — мягко сказал кот. — Идите в свой кабинет. Выпейте успокоительного отвара. И не выходите до особого распоряжения.

— Я... я... — завкафедрой попытался возразить, но кот зевнул. Огромной кошачьей пастью, в которой виднелись клыки размером с мою ладонь.

— Идите, — повторил кот.

Аристарх Платонович ушёл. Дворники и уборщицы разбежались. Повара, прихватив с собой плакат, скрылись в столовой.

— Прощу прощения за беспокойство, — сказал Бегемот Фёдорович. — Ректор велел передать, что он решил проблему. Временно.

Кот, который был на самом деле ректором, посмотрел на меня. Я посмотрел на него.

— Ты знал? — спросил я.

— Догадывался, — ответил Бегемот Фёдорович. — Но подтверждения не имел. До сегодняшнего дня.

Ректор-кот мяукнул (это прозвучало как приказ) и вышел. Бегемот Фёдорович пошёл за ним.

Мы остались одни.

— Продолжим, — сказал я, беря себя в руки. — Руна Лагуз. Ещё одно свойство — она помогает принимать верные решения. Когда стоишь перед выбором — представь, что ты в лодке, а вокруг вода. Куда поплывёшь — туда и приплывёшь.

— А если не знаешь, куда плыть? — спросил Кузьма.

— Тогда просто опусти весла. Течение само вынесет. Лагуз не терпит суеты. Она любит тех, кто умеет ждать.

— Как вы? — спросила Ведогоня.

— Как я, — ответил я. — Я жду возможности вернуться домой. И знаю, что она придёт. Не скоро, но придёт. А пока — я здесь. Учю вас. Учусь сам. И это — тоже путь. Просто другой.

После лекции ко мне подошёл Святозар.

— Матвей Сергеевич, — сказал он. — А можно мне тоже попробовать воды? Из вашего пузырька?

— Зачем?

— Хочу понять. Кто я. И зачем я здесь.

Я посмотрел на него. Парень был серьёзен. Не то чтобы очень талантливый маг, но — ищущий.

— Ладно, — я протянул ему пузырёк. — Но будь осторожен. Вода Лагуз — это не игрушка.

Он отпил глоток. И закрыл глаза.

— Что видишь? — спросил я через минуту.

— Себя, — ответил он. — Старого. Седого. Я сижу на берегу реки и учу внуков магии. А рядом — женщина. Я не вижу её лица, но знаю, что люблю её.

— Это хорошо, — сказал я. — Это значит, у тебя будет семья. И дело.

— А у вас? — он открыл глаза. — У вас будет семья?

— У меня уже была, — ответил я. — Но это — другая история. И рассказывать я её не буду. Пока.

Святозар кивнул, отдал пузырёк и ушёл.

Я остался один в аудитории. Подошёл к доске. Нарисовал Лагуз. Не мелом — мыслью. И руна засветилась. Сначала синим, потом — серебряным, потом — прозрачным, как вода.

— Красиво, — сказал дух коридора. — Вы умеете, Матвей Сергеевич. У вас есть дар.

— Знаю, — ответил я. — Только дар — это ответственность. Не только перед другими. Перед собой — тоже.

— И перед тем, кто дал этот дар, — добавил дух.

— И перед ним, — согласился я.

Я стёр руну, вышел в коридор и пошёл к себе в комнату.

Спиридон сидел на диване и читал мою книгу по заговорам.

— Хозяин, — сказал он, — я тут нашёл одно заклинание. «На возвращение домой». Хотите попробуем?

— Не сейчас, — ответил я. — Сначала я должен закончить здесь. Понимаешь?

— Понимаю, — вздохнул домовой. — Ты хороший человек. Жалко, что ты уйдёшь.

— Не сразу, — сказал я. — Не сразу.

Я лёг на диван, закрыл глаза и подумал о реке Смородине. О Калиновом мосте. О том, что где-то там, в Прави, сидят боги и ждут. Но не меня — тех, кто придёт после. Тех, кто продолжит.

— Откровение, — прошептал я. — Оно не в воде. Оно — в нас.

И уснул.

А утром меня ждал сюрприз. В дверь постучали. Я открыл — на пороге стояла уборщица Варвара Ильинична.

— Матвей Сергеевич, — сказала она. — Ректор просил передать. Сегодня в полдень — заседание педагогического совета. Тема: «О мерах по нейтрализации Аристарха Платоновича и возвращении его в адекватное состояние». Ваше присутствие обязательно.

— Я не волшебник, — сказал я. — Я только учусь.

— В Академии, — усмехнулась Варвара Ильинична, — все только учатся. Даже ректор. Даже я. Особенно — я.

Она подмигнула и ушла, оставив после себя запах озона и свежевыглаженных простыней.

— Ну что ж, — сказал я Спиридону. — Похоже, меня ждёт новый день. И новые откровения.

— Они всегда ждут, — ответил домовой. — Вопрос в том, готов ли ты их принять.

— Готов, — сказал я. — Или делаю вид. Что в нашем деле, знаешь ли, почти одно и то же.

Мы засмеялись. И день начался.

Как обычно — с надежды. И с магии.

Глава 9. Озарение, или Свет, который всегда с тобой

Заседание педагогического совета проходило в Большом зале. Там, где обычно устраивали экзамены и публичные казни (последнее — в переносном смысле, но кто знает этих магов). Я пришёл за пять минут до начала, захватив с собой блокнот и ручку. Обычную, шариковую. В Академии это был такой же магический артефакт, как и любой другой — потому что на лекциях я ей записывал всё, что казалось важным.

В зале уже сидели: Бегемот Фёдорович (с ключом на поясе и свежей царапиной на носу — видимо, ректор-кот всё же дал сдачи за вчерашнее), Варвара Ильинична (в отглаженном халате и с шваброй — её талисманом), несколько преподавателей, которых я видел впервые, и... сам Аристарх Платонович. Он сидел в углу, связанный по рукам и ногам осиновой верёвкой, с кляпом во рту, но глаза его горели по-прежнему.

— Мы собрались, — начал Бегемот Фёдорович, — чтобы обсудить сложившуюся ситуацию. Аристарх Платонович, наш уважаемый коллега, впал в... э... политическое просветление. Его состояние угрожает не только его здоровью, но и стабильности Академии.

— Предлагаю его просто вылечить, — сказал преподаватель астрологии, пожилой гном с длинной бородой. — Есть проверенный заговор от помешательства. На берёзовых почках и лунном свете.

— Пробовали, — вздохнула Варвара Ильинична. — Не помогло. Ваш заговор только усилил его ораторские способности. Теперь он говорит ещё громче и убедительнее.

— Может, отправить его в отпуск? — предложил кто-то.

— Куда? В Крым? Он там всех склонит к коммунизму. Придётся потом Крым возвращать.

Я слушал и понимал, что проблема — моя. Это я перестарался с лечением. И теперь Академия страдает от последствий моей магической самонадеянности.

— Можно я скажу? — поднял я руку.

— Валяйте, — разрешил Бегемот Фёдорович.

— Аристарх Платонович болен не потому, что в нём поселился дух советской эпохи. Он болен потому, что я, снимая чёрную немочь, случайно задел его ментальные фильтры. Он стал видеть мир не таким, какой он есть, а таким, каким он его когда-то запомнил. Самым лучшим. Самым правильным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.